

Пыль, пыль, пыль.

Раздался стук в дверь. Линь Чэнь сидела в инвалидном кресле, глядя на залитую солнцем улицу, и взгляд её оставался бесстрастным.

— Войдите.

— Пришло время укола, — медсестра вкатила тележку и, увидев, что Линь Чэнь сидит у окна, улыбнулась: — Снова любишься пейзажем, малыш?

Эту медсестру звали Сяо Чэнь, она была приставлена специально для ухода за ней. Линь Чэнь занимала палату класса люкс, где круглосуточно дежурил персонал. Сяо Чэнь была первым человеком, которого она увидела, очнувшись. Обычно Линь Чэнь была молчалива, но Сяо Чэнь обладала живым характером и во время перевязок любила поболтать. Чаще всего говорила она, а Линь Чэнь слушала, но со временем они привыкли друг к другу. Сяо Чэнь часто называла Линь Чэнь малышом, к чему та никак не могла привыкнуть.

За время пребывания в больнице Линь Чэнь постепенно свыклась с мыслью о своём перерождении, а также освоилась в новом теле и с новым именем.

В прошлой жизни она дожила до двадцати восьми лет и была Третьим главой организации KZ, а теперь какая-то двадцатилетняя девчонка постоянно называет её малышом. Злиться на это она не стала, но на душе было довольно тоскливо.

Сяо Чэнь сменила капельницу. Заметив, что пациентка по-прежнему смотрит в окно и не собирается поддерживать беседу, медсестра не обиделась и просто выкатила тележку из палаты.

Эта пациентка вызывала у неё любопытство. Хотя она и жила в VIP-палате, после госпитализации её никто не навещал. Каждый день она либо сидела у окна, либо выезжала на кресле на улицу, чтобы понаблюдать за тем, как другие играют в шахматы. Говорила мало, а выглядела такой глубокой и сосредоточенной, что совсем не походила на девятнадцатилетнего подростка.

Станный человек.

С этой мыслью Сяо Чэнь закрыла дверь.

Глядя на яркое солнце, Линь Чэнь прищурилась.

Нынешние дни тянулись слишком долго и медленно. Раньше, работая под прикрытием, она всегда была натянута, словно струна: каждое дело требовало размышлений, расчётов и взвешиваний. Теперь же, когда наступило внезапное затишье, когда не нужно никого

опасаться и не нужно думать о том, не станет ли следующий миг последним, жизнь, проходящая на острие ножа, вдруг отошла на второй план. Линь Чэнь было трудно приспособиться к такому резкому переходу.

Подросток в инвалидном кресле вздохнула.

Возможно... пришло время по-настоящему пожить нормальной жизнью.

Все те дни, что Линь Чэнь провела в больнице, никто из семьи Линь не приходил её навестить. Даже зачинщик всей этой истории, Линь Ван, не воспользовался случаем, чтобы прийти и поиздеваться — возможно, из чувства вины.

Холодное отношение семьи Линь ранило, но Линь Чэнь было всё равно — в конце концов, она была уже не той Линь Чэнь, что прежде.

Вскоре настал день выписки. Семья Линь прислала за ней водителя.

Машина тронулась. Опустив стекло, Линь Чэнь смотрела на этот незнакомый город.

Она давно не видела городов.

В прошлой жизни она шесть лет работала под прикрытием, проделав путь от мелкой сошки до должности Третьего главы организации KZ. Большую часть времени она проводила в лесах и горах, скрываясь от преследования Интерпола и избегая ударов в спину.

Её имя значилось в списках разыскиваемых преступников многих стран.

Мир запомнит её как преступницу, но никто не узнает, что она была агентом под прикрытием.

Вскоре машина подъехала к особняку семьи Линь.

Семья Линь проживала в самом дорогом жилом комплексе города W — Дицзин Хаотин.

Здесь жили богатейшие люди города. Комплекс занимал невообразимую по размерам территорию и имел восемь въездов и выездов.

Наблюдая, как машина медленно въезжает в роскошный двор, сохранившийся в памяти, Линь Чэнь слегка усмехнулась.

Похоже... начинаются интересные времена.

Тяжёлые ворота медленно отворились перед ней. Немного погодя её проводили в столовую. Хотя все знали, что сегодня она выписывается, члены семьи Линь не стали её дожидаться и уже начали трапезу.

Во главе стола сидела седовласая старуха. Согласно воспоминаниям, Линь Чэнь знала, что это госпожа Линь, её бабушка.

Слева от неё сидели Линь Вэйцин и Ху Лингуан, а справа — брат и сестра, Линь Си и Линь Ван, которые с момента появления Линь Чэнь с презрением смотрели на неё.

Увидев, что она вошла, Линь Вэйцин лишь мельком взглянул на неё, не выразив никаких эмоций, и приказал слуге принести приборы.

Линь Чэнь получила воспоминания прежней владелицы тела и знала об отношении к ней этой семьи, поэтому не была удивлена.

Отодвинув стул, она небрежно села на другой конец стола, прямо напротив госпожи Линь. Это было похоже не на обед, а на противостояние.

Госпоже Линь было за семьдесят, но она сохраняла бодрость духа. Увидев этот жест, в её глазах мелькнуло удивление, но она промолчала.

Линь Вэйцин, заметив, где она села, нахмурился и уже хотел сделать замечание, но Линь Чэнь уже взяла приборы, поданные слугой, и принялась за еду.

Хотя семья Линь не была потомственными аристократами, правила у них были строгими: за столом не разговаривали. Даже Линь Си и Линь Ван, желавшие съязвить, предпочли промолчать.

Закончив трапезу, Ху Лингуан изящно вытерла рот, окинула Линь Чэнь взглядом и повернулась к госпоже Линь:

— Мама, врач сказал, что Сяо Чэнь нужен покой. Ежедневные поездки с водителем в школу и обратно вредят заживлению ран. Я подумала, может, нам снять квартиру поближе к школе? Во-первых, ей будет удобнее учиться, во-вторых, это поможет ей быстрее восстановиться. Что вы думаете?

Линь Чэнь с интересом посмотрела на неё.

Ху Лингуан была дочерью из богатой семьи, воспитание не позволяло ей открыто издеваться над Линь Чэнь, но и доброго отношения она никогда не проявляла. На людях она разыгрывала

спектакль, чтобы не портить себе репутацию. Сейчас она говорила это явно не из заботы, а чтобы просто не видеть её лишний раз. А госпожа Линь, которая не жаловала Линь Чэнь, скорее всего, согласится.

Так и вышло. Госпожа Линь, не раздумывая, ответила:

— Решай сама, как считаешь нужным.

Линь Чэнь усмехнулась про себя, находя эту фальшь забавной, но внешне сохранила вид глуповатой простушки.

В итоге Ху Лингуан, даже не спросив мнения самой Линь Чэнь, приняла решение. Линь Вэйцин не проронил ни слова, ему было всё равно.

Линь Чэнь была только рада: она сама мечтала съехать, но на лице не дрогнул ни один мускул, она продолжала играть роль покорной куклы.

После обеда она вернулась в свою комнату.

Комната была просторной, но обставленной скудно, отчего казалась пустой. Стиль был мечтательным, с преобладанием небесно-голубых тонов.

У кровати стояло большое зеркало в полный рост. Линь Чэнь подошла к нему.

В зеркале отражалась фигура, обросшая жиром, глаза почти утопали в складках — выглядело это даже комично. Глядя на себя, Линь Чэнь беспомощно вздохнула.

Внешность Гу Юань не была выдающейся, но и уродливой её нельзя было назвать. Однако годы, проведённые в тропиках, придали её коже здоровый оттенок загара, а постоянные тренировки сделали тело жилистым и подтянутым.

Но сейчас...

Действительно, лишний вес портит всё.

Ожирение было лишь половиной беды. Освоившись, Линь Чэнь поняла, что гибкость и взрывная сила этого тела оставляют желать лучшего. В случае реальной опасности она даже убежать не сможет.

Хотя в этой жизни ей не нужно было каждую секунду опасаться погони, само ощущение того, что тело не подчиняется ей, было крайне неприятным.

Сев за письменный стол, Линь Чэнь открыла ящик.

Там лежал толстый блокнот. Она знала, что это дневник прежней владелицы. Линь Чэнь небрежно открыла страницу.

17 апреля, ясно.

Сегодня Линь Ван назвал меня жирной свиньёй. Я так злилась, но ничего не могла ему сделать. Я тоже хочу похудеть, хочу, чтобы меня любили, как тех звёзд по телевизору. Если я похудею, я обязательно стану звездой.

8 мая, небольшой дождь.

Сегодня я провалила тест по математике. Учитель велел спрашивать у одноклассников, но я боюсь. Я знаю, что в классе смеются надо мной и Чэнь Жуй, называя нас двумя толстухами из первой школы. Почему... почему они так поступают? Мешает ли им мой вес? Это моё личное дело, почему я никому не нравлюсь...

Пролистав несколько страниц, она положила дневник обратно.

— Похоже... ты действительно очень хотела, чтобы тебя полюбили... — между строк читалась острая жажда признания.

Возможно, из-за того, что она получила воспоминания прежней владелицы, Линь Чэнь тоже немного поддалась её эмоциям — этому чувству отчаянного желания, которое остаётся неудовлетворённым.

Это было самое настоящее сопереживание.

— Твоё желание, я помогу тебе его исполнить... Линь Чэнь.

В качестве благодарности за то, что заняла твоё тело.

<http://bllate.org/book/21703/2241033>